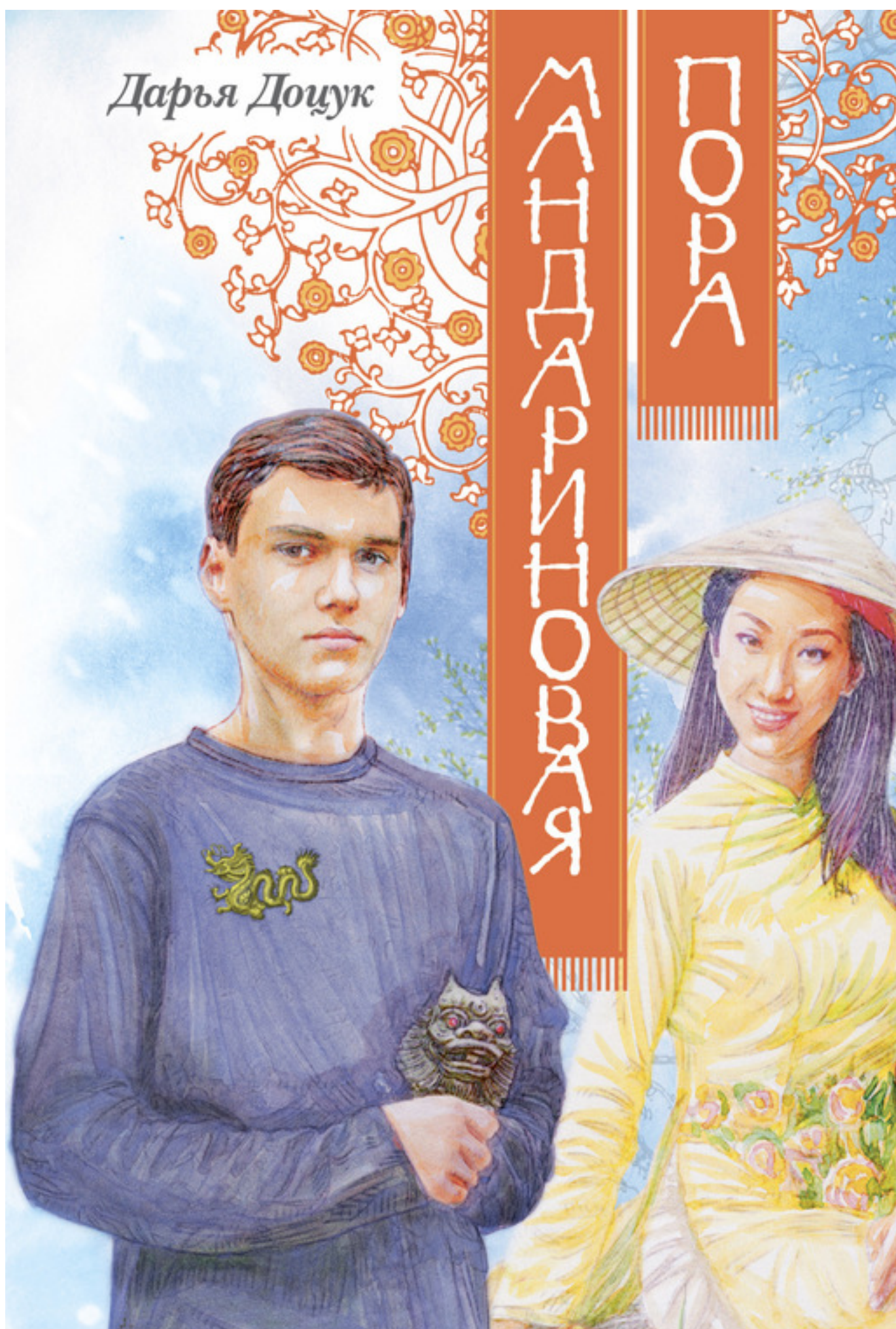

Дарья Доцук

МАНДАРИНОВАЯ

ПОРА

Дарья Доцук
Мандариновая пора
Серия «Современная проза (Аквилегия-М)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6562438
Мандариновая пора. Повесть: Аквилегия-М; Москва; 2014
ISBN 978-5-905730-41-2*

Аннотация

От Нового года – мандариновой поры – все ждут чудес. И Паша ждёт, но, кажется, за пределами детства нет ничего хорошего. Одни лишь разочарования. Возвращение после завершения командировки отца из восточной страны домой, в Россию, которую Паша почти не помнит и считает чужой. Школа, где все настроены против него. Родители, которые вдруг перестали его понимать. Новая жизнь, к которой так трудно привыкнуть и снова почувствовать себя счастливым. Как справиться со всем этим, найти свой путь и осуществить заветную мечту?

Содержание

1. Майский снег	5
2. Бамбук	7
3. Ужин	9
4. Лошадь, привидение и могильный холм	11
5. Чаепитие	13
6. Как отдыхают божества	15
7. Школа	16
8. Сынок дипломатов	18
9. Палочки	20
10. Новый друг	23
11. В джунглях	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дарья Сергеевна Доцук

Мандариновая пора

Повесть

*Всё, что захочешь,
Есть у природы,
Только внимательнее гляди.
Ищи неустанно,
И то, что желанно,
Сам для себя найди¹.*

Нгуен Бинь Кхием, вьетнамский поэт XV века

¹ Перевод с вьетнамского М. Петровых.

1. Майский снег

Паша выглянул из окна и его внимание привлекли сразу две вещи: снег и неприличная надпись на гараже. И то и другое он видел впервые в жизни.

Там, откуда он, нет ни снега, ни неприличных надписей на гаражах. Да и гаражей-то нет, потому что почти нет машин. Вместо них – велосипеды и скутеры.

Он поморщился: даже в этой холодной стране, он хорошо знал, снег в конце мая идти не должен, это противоестественно.

В учебниках написано, что в России снег идёт зимой, иногда осенью и весной, но не в начале лета.

Руки болели оттого, что пришлось таскать из грузовика на седьмой этаж тридцать шесть тяжёлых коробок с ручками из множества слоёв скотча. Лифт не работал, и на коробки ушло больше двух часов, и это притом, что Паша носил не один, а с папой.

Мама в это время наспех разбирала чемоданы и рассовывала вещи по шкафам и полкам, пытаясь придать маленькой полупустой квартире хоть какое-то ощущение дома. Но Паша знал, что он не дома. Дом остался там, далеко-далеко. А это – какое-то временное убогое жильё. Старая кирпичная высотка с видом на гараж с неприличным словом.

Комната Паши выглядела, как безликий гостиничный номер. Старые обои, диван-кровать, встроенный шкаф и угловой стол. Печаль.

Глядя на снег, Паша понял, что всю одежду можно смело выкидывать. Все шорты, футболки и сандалии отправятся в мусор, а им на смену родители купят шубу, шапку-ушанку и валенки.

Сердце сдавило, и Паша испугался, что не сумеет сделать ни единого вдоха. Да и зачем? Он ведь больше никогда не увидит тропического ливня, не подберёт на лужайке шустрюю ящерицу, не встретит в море иглобрюха и не услышит тягучую песню милой няни – тётушки Лан.

В моей деревне кроны баньянов достают до небес. А рядом течёт глубокая река, торопится на Юг.

Так она пела ему в детстве, и сейчас её ласковый голос вновь зазвучал в голове.

Паша почувствовал острый приступ страха, как будто стóит тётушке Лан замолчать, как разорвётся невидимая ленточка, связывающая его с домом.

Паша крепче вцепился в позеленевшую бронзовую фигурку мифической собаки с разинутой зубастой пастью. По преданию, эта собака защищает от страхов и злых духов. Когда Паша был маленький, он боялся засыпать один в комнате. В темноте бежал в родительскую спальню и плакал. Однажды ночью мама дала ему бронзовую собаку и сказала: «Иди спать. Собака будет тебя охранять».

Рассмотрев собаку, Паша убедился, что к такому устрашающему существу не посмеют приблизиться никакие злые духи. А даже если посмеют – собака их мигом прогонит. Поэтому с тех пор Паша ничего не боялся. Ровно до сегодняшнего дня. Ему уже тринадцать, но он прижимал собаку к груди, совсем как тогда, давным-давно, и шёпотом просил тётушку Лан продолжать петь. Хотя бы у него в голове.

2. Бамбук

В комнату вошёл папа и поставил на пол стопку из трёх коробок. Он удовлетворённо выдохнул, скользнул рукавом по взмокшему лбу и присел на диван.

– Постарайся сегодня разобрать, – велел он. – А потом будем ужинать.

Паша не ответил и даже не обернулся. Так и стоял у окна, наблюдая, как редкие снежинки опускаются на крыши машин, на бледную пыльную траву и неровный асфальт в рытинах. Он думал о том, что трава не бывает такого ненастоящего цвета.

Только яркого, густого, изумрудного, чистого. По траве приятно ходить босиком, приятно лежать на ней и смотреть в глубокое синее небо.

– Павел! – позвал папа, недовольно поправив очки на носу. – Слышишь? Разбери коробки и приходи ужинать.

– Куда ты меня привёз? – только и смог произнести Паша.

Его вопрос не требовал ответа, Паша и сам догадался, что его привезли на родину, в город, где он когда-то появился на свет. Но дело в том, что родины этой он не помнил.

Москва, которую он знал, ограничивалась дачей, куда он каждое лето приезжал к бабушке на месяц-полтора. Там он катался на велосипеде, ел с грядки клубнику, побеждал крапиву деревянным мечом и не особенно беспокоился, потому что скоро всё равно вернётся домой, к тётушке Лан, к её волшебным легендам и прекрасным песням. С ней он мог говорить на языке, который считал родным, и отмечать праздники, которые считал своими.

И она никогда не называла его Павлом. Даже выговорить этого не могла. Она дала ему другое имя. Его настоящее имя. И оно гораздо лучше какого-то там Павла.

Тётушка Лан была настоящая северянка. Стройная и грациозная, как азиатская золотая кошка. Кожа у неё была такая гладкая и блестящая, что долгое время Паше казалось, что тётушка Лан целиком отлита из золота. Он мечтал поставить её рядом со статуей Будды в храме Нефритовой горы и наблюдать, как его няня затмит Будду своим величием и все станут приходить молиться ей. Вот только тётушка Лан никогда бы на такое не согласилась.

Хоть она и не застала войну, с её лица почти никогда не сходила задумчивая грусть. Речь её была исполнена спокойным величием. Так в стародавние времена, должно быть, говорила жена или дочь императора. Все слова тётушка Лан произносила с большим достоинством и уважением, и не коверкала звуки, как многие беспечные южане.

Она была настоящей красавицей. Особенно когда распускала длинные чёрные волосы до пояса и наряжалась по праздникам в традиционное платье с шелковыми рукавами до пола. Когда в сказках говорилось о прекрасных принцессах и волшебницах, Паша сразу представлял себе тётушку Лан, даже если на картинках принцессы выглядели совсем иначе.

Лан появилась в их доме, когда Паша был ещё младенцем. Мама сказала, что имя малыша – Павел.

– Бабер, – повторила няня и тут же смутилась, потому что мама рассмеялась её оплошности.

С тех пор Лан называла Пашу просто Тяу, «ребёнок», как зовут всех детей. Но когда ему исполнилось три года, посчитала нужным дать ему полноценное имя. Она долго наблюдала за ним и однажды решила, что теперь он будет зваться Тяу Че – ребёнок-бамбук.

Паша несказанно гордился, что обрёл такое важное имя. Ведь бамбук негибает, даже под порывами мощного ветра он всё равно выпрямляется и растёт, несмотря на все препятствия. Это имя было большим даром тётушки Лан, оно выражало всю её любовь к иноземному белокожему мальчику. И Паша ценил эту любовь превыше всего.

Сейчас казалось, что тётушка Лан – всего-навсего волшебный сон. Как и всё остальное. И внутри Паша кричал, потому что у него отняли всё, что было ему дорого. А здесь

он ощущал себя так же не к месту, как этот майский снег. «Встретились две аномалии», – подумал он мрачно.

– Привыкай, – посоветовал папа и вышел.

3. Ужин

Первый ужин на новом месте. Стол и стулья на кухню ещё не успели доставить из магазина, так что пришлось накрыть большую неразобранную коробку, а сидеть на коробках поменьше.

Мама сбегала в ближайший продуктовый и принесла оттуда сосиски и «западную» картошку вместо привычного Паше красно-оранжевого батата. Сосиски она просто сварила, а картошку сначала сварила, а потом растолкла в кашу. Добавила молока и посолила. Узнав, из чего состоит блюдо, Паша с удивлением покосился на запыхавшуюся маму. От стояния у плиты она покраснела и устало плюхнулась на коробку. Её рыжие кудряшки не топорщились весело в разные стороны, как обычно, а поникли, точно цветы с наступлением темноты.

– А...? – начал Паша, но мама его перебила.

– Ешь. Это вкусно, все любят сосиски с пюре. В школе тебе только такое и будут давать, вот увидишь.

– А рис тут не продают? – испуганно спросил Паша.

– Так, – вступился за мамину стряпню папа. – Сегодня сосиски с пюре. Ешь и не приередничай.

– Рис тут продают, не волнуйся, – успокоила мама. – Это же не необитаемый остров. Тут всё продают.

– И кокосы? – поинтересовался Паша.

Он привык покупать на улице кокосы. Уже очищенные, они пирамидкой лежали на прилавках. Улыбчивый продавец срезал «крышку» острым мачете и вставлял в горлышко соломинку. И Паша пил прохладное сладкое кокосовое молоко – самый вкусный напиток из всех. Даже лучше колы.

– Кокосы мы тебе вряд ли найдём, – разрушила его мечты мама и простила: – Ну, ешь уже. Остынет!

Паша подцепил вилкой сосиску и обмакнул в пюре. Он решил, что это такой соус. Папа только покачал головой. Мама усмехнулась и показала, как надо правильно есть сосиски с пюре. Сначала одно, потом другое.

Паша чувствовал себя в гостях у папуасского племени. Но из уважения попробовал есть как положено.

Ни вместе, ни порознь сосиски с пюре ему не понравились. Он доел через силу, только чтобы не ложиться спать голодным. На пустой желудок ему всегда снились кошмары. Жаль, что мама не купила рис, раз его тут продают. Паша готов был хоть целый год питаться одним только рисом с соевым соусом, если ничего из привычной еды в магазине не найдётся.

– В школе кормят только этим? – осторожно спросил он у мамы, когда мыл посуду.

– Что значит «этим»? – возмутилась мама, вытирая чистые тарелки. – Нормальная еда.

– Но ты сказала, что в школе только такое дают.

– Ну это я так... Не бойся, в школе разнообразное питание.

– Типа чего? – не унимался Паша.

– Ой, ну я не знаю... Котлеты, гречка, голубцы, плов, гуляш, наверное.

Паша вздохнул. Эти названия ему ни о чём не говорили. Местная кухня была для него большой загадкой. Мама дома никогда не готовила. Готовила тётушка Лан. А уж как она готовила! О сосисках с пюре, наверное, и не слышала. Да если бы и слышала, всё равно предпочла бы что-нибудь повкуснее.

Когда у няни был выходной, родители водили Пашу в кафе. Так получалось намного дешевле, чем готовить дома. Даже во время редких дачных каникул Паша не попробовал ни одного незнакомого блюда. Бабушка не давала внуку ничего непривычного, опасаясь за его

желудок, поэтому варила макароны, делала салаты или жарила курицу. То есть то, что едят везде. Даже «эти восточные варвары», как она выражалась. Пашу всегда смешили её слова, ведь именно так – восточными варварами – народ тётушки Лан в старину называл европейцев, потому что корабли колонизаторов приходили по морю, а море лежит на востоке.

Паша пожалел, что напоследок не наелся как следует. И что не привёз с собой пару пачек рисовой бумаги и лапши. Мама запретила брать продукты. «Не на Крайний Север», – проворчала. Сейчас бы пожарить креветок, отварить лапши и скатать десяток немов². Или пойти в ресторан, где вот уже сто лет подают только одно блюдо – «тя ка», рыбу в соусе из водомерок с лапшой и арахисом. Да что там – и у дверей-то постоять приятно, хоть запах «тя ка» услышать.

² Нем (или нэм) – фаршированный блинчик из рисовой бумаги с различными начинками.

4. Лошадь, привидение и могильный холм

Оказалось, что в новой школе Паша наряду с английским обязательно должен учить немецкий. Паша по-немецки ни слова не знал, но, к родительскому счастью, соседка по даче как раз преподавала этот язык и согласилась с Пашей позаниматься. Так что лето было испорчено.

Ничего скучнее уроков немецкого Паша и представить не мог. Грамматика упорно не задерживалась в голове и таинственным образом куда-то испарялась, стоило соседке затворить за собой калитку. Паша уже начинал подозревать, что какие-нибудь Люди в чёрном намеренно стирают ему память. Оставалось лишь с ужасом ждать сентября, когда придёт пора проявить знания. Вернее, их полное отсутствие.

Паша старательно повторял за соседкой все эти нелепые слова и зубодробительные фразы, но думал совершенно о другом – о том, насколько странные и чудные эти западные языки. В них нет ни капли восточной загадки, фантазии и многозначности.

– Давай ещё разок. Это же так просто: *der Zug!* Поезд! – не сдавалась соседка, тыча пальцем в учебник.

Паша обречённо воспроизводил «дер цуг», но оказывалось, что надо не «цуг», а «цукь». Соседка цукала снова и снова – цукь, цукь, цукь! И от этого «цуканья» у Паши кружилась голова и сводило скулы.

Он злился, потому что неподъёмный словарь немецкого выглядел, как собрание сочинений всех-всех писателей из школьной программы. В нём страницы будто на глазах множились, и он всё толстел и толстел, довольный.

Беда какая-то с этими словарями. Новые слова каждый день появляются. Изобрели что-то – надо название дать и первым делом в словарь внести. Кому по силам всё это запомнить? Нет бы сделать, как в языке тётушки Лан: слов мало, а грамматики вообще ноль. Только произносить правильно нужно, как песню, по шести тонам, да и тут любой сообразит – поверх слова все тона значками записаны.

На языке тётушки Лан «поезд» – это «огненная повозка», «ракета» – «огненная стрела», да даже «кенгуру» – «большая мышь с мешком». Сразу понятно, о чём речь. Вот попадёт кто-то из далёкого прошлого в современность, увидит поезда и ракеты, и сразу догадается, что к чему. «Вон огненная стрела взлетает!» – ему объяснят.

– Ну что такое! – сердилась учительница. – Ты там у себя один и тот же слог на шесть разных тонов сказать мог, а «*der Zug*» не можешь? Можешь, конечно, только ленишься! Давай-ка, постарайся!

Паша старался, выпячивал подбородок и сворачивал губы в трубочку, но пользы от этого не было никакой. Посмотрел бы он, как соседка поговорила бы на его языке. Для неё «ма» бывает только в одном виде, но именно от тона зависит, во что превратится «ма» – в привидение, в лошадь, в щёку, в рисовую рассадку или в могильный холм. Вот такая магия. Не то, что её «цукь»!

К счастью, немецкая попытка рано или поздно заканчивалась и Паша мог немного отдохнуть – покататься на велосипеде, поиграть в бадминтон, искупаться в неглубокой речке и пусть ненадолго, но забыть обо всех неприятностях, которые поджидают его в школе. Он не решался лишний раз думать о новых одноклассниках и о том, как они его воспримут. Воспримут ли?

5. Чаепитие

Родители всё время торчали в городе – обставляли и приводили в порядок квартиру. С собой они привезли множество вещей: ротанговое кресло, разные статуэтки, плетёные и лаковые шкатулки, бамбуковые циновки и инкрустированные перламутром картины, которых за тринадцать лет им надарили столько, что хватит на небольшую галерею.

Но все эти предметы, так славно смотревшиеся в их доме там, мгновенно потускнели здесь. А удобное ротанговое кресло через пару недель и вовсе рассохлось и развалилось.

И Паша чувствовал себя точно так же, как это несчастное кресло. Ему тоже не хватало пряного, влажного воздуха тропиков. Казалось, он даже перестал дышать полной грудью.

После обеда Паша предлагал бабушке маленькую, немногим крупнее напёрстка, фарфоровую чашечку зелёного чая с цветками лотоса. Бабушка в ответ вручала внуку большую стеклянную кружку чёрного чая с малиновым вареньем.

Бабушка жаловалась, что зелёный чай слишком горький и от лотоса першит в горле. А у Паши от засахаренного варенья слипались губы.

Бабушка предавалась сладостным воспоминаниям о том, как в детстве пила чай из этого самого самовара, сидя в этой самой беседке под яблоней.

Паша кивал, но его мысли были далеко – на веранде особняка, построенного ещё французами в XIX веке, во время колонизации Индокитая³.

Он вспоминал, как мама, набросив на плечи лёгкий шёлковый платок, проверяла тетради: она преподавала в Клубе друзей русского языка. Иногда, обмахиваясь веером, сетовала на жару, от которой спасал лишь бодрящий зелёный чай. Она так и не привыкла к палящему солнцу и радовалась, когда с приходом зимы начинались затяжные тропические ливни, подгоняемые с моря тайфунами.

Папа в просторной шёлковой рубаше увлечённо читал местную газету и делал пометки для своих статей.

А Паша с тётушкой Лан просто сидели в ротанговых креслах, наблюдая за тем, что происходит за забором. Вот бойкая соседская девчушка лет пяти украдкой перегибается через ограду, чтобы стянуть с дерева в саду розовый с множеством зелёных «рожек» драконий фрукт. Внутри у него сладкая белая с чёрными точками мякоть... Девчушка знает, что за эту маленькую шалость ей ничего не будет: разморённые полуденной духотой, хозяева не слишком-то хотят покидать прохладную тень веранды, чтобы охранять драконий фрукт.

На улице, где в особняке лимонного цвета с тёмно-зелёными ставнями жили Паша и его родители, днём тише, чем обычно. Все кругом отдыхают после обеда, набираются сил и отпаивают друг друга зелёным чаем. Через полчаса, когда папе нужно будет возвращаться на работу, улица снова наполнится громкими разговорами, спорами и рёвом скутеров.

Папа по старинке ездил на работу на велосипеде с плетёной корзинкой у руля и вечером, по пути домой, привозил с рынка фрукты. Паша редко ужинал чем-то, кроме фруктов. Особенно ему нравились рамбутаны, потому что по вкусу они напоминают мармеладную конфету.

Паше после обеда торопиться некуда. Он уже вернулся из школы и скоро, едва спадёт жара, поедет в гости к своей однокласснице Анне Ву. Она крошечная и худенькая, как Дюймовочка, хоть и Пашина ровесница. Под присмотром тётушки Лан они пойдут гулять вокруг

³ Индокитай – полуостров на юго-востоке Азии, где расположены государства Таиланд, Малайзия, Бангладеш, Мьянма, Вьетнам, Камбоджа и Лаос. С конца XIX в. и до середины XX в. территории Вьетнама, Камбоджи и Лаоса оставался французской колонией.

озера Возвращённого меча, окружённого высокими ивами, и любоваться Башней черепахи на зелёном островке посреди озера.

Паша привык, что его не пропускает ни один прохожий. Все останавливаются, чтобы изучить его пухлые розовые щёки и светлую кожу. «Тяу, тяу» – ласково приговаривают они, поглаживая Пашу по голове. Анна смеётся и немного щиплет Пашу за щёку, показывая, как ещё можно делать. И прохожие, улыбаясь, повторяют за ней. Что это за диковинное создание? Что за милый «восточный варвар», который почему-то щебечет на нашем языке? – удивляются они.

Тётушка Лан одобрительно кивает незнакомцам – ей приятно, что её Тяу Че всегда в центре внимания.

6. Как отдыхают божества

То, что он очутился в волшебном королевстве, Паша уяснил сразу, едва научился понимать легенды тётушки Лан. Она знала наизусть все старинные предания и любила рассказывать их во время прогулок или удобно устроившись на веранде. Чаще всего она говорила о чудесных величавых драконах, обитающих в морских гротах, потому что драконы священные, подобны божествам и духам, они – предки всего народа.

– Тогда император Лак из рода драконов женился на красавице Эу Ко из рода фей, и у них родилось сто детей, у тех – свои дети, а у них – свои. А потом, много тысячелетий спустя, появились я и все, кого мы встречаем на улице. Все мы потомки дракона и феи, – рассказывала тётушка Лан.

«Она точно фея», – ничуть не сомневался Паша и, как зачарованный, разглядывал её длинные чёрные волосы и тонкие, позолоченные пальцы. А потом улыбался:

– Я тоже из рода драконов!

Тётушка Лан не ведала, из какого он рода, но всегда соглашалась и уточняла:

– Ты подводный дракон или горный?

– Сегодня подводный! – заявлял Паша и в доказательство своих слов нырял с разбегу в бассейн, забрызгивая смеющуюся тётушку Лан.

Однажды Паша спросил тётушку Лан, откуда она. Лан родилась в столице и с тех пор нечасто покидала её, но родиной считала бухту Халонг. Там, в плавучей деревне, по сей день живёт её дед, самый старший родственник в семье. Когда-то он был удачливым рыбаком, но теперь слишком стар для работы. Поэтому проводит дни в зелёной хижине на плоту, раскачивается в гамаке из рыболовной сети и раздаёт всем кругом мудрые советы.

– А что есть в Халонге? – поинтересовался Паша.

– Там есть Слоновья гора, на вершине которой божества играют в шахматы, – с готовностью ответила тётушка Лан и зажмурилась от приятных воспоминаний.

Паша решил, что она знакома с этими божествами:

– И как им не надоедает? Они только и делают, что играют в шахматы?

– А чем же им ещё заниматься? – удивилась тётушка Лан. – Они уже создали всё, что могли, и теперь заслуженно отдыхают.

Паша посмотрел на старичков, занятых игрой в маджонг. Казалось, они просидели в этом парке в тени деревьев уже сотню лет. У них выросли редкие седые бороды, а лысины покрылись коричневыми пятнами.

– Это тоже божества? – шепнул Паша тётушке Лан.

– Возможно, – прищурилась няня. – Так что не будем их отвлекать.

7. Школа

Паша остановился перед дверью класса и ещё раз потрогал карман рюкзака. Бронзовая собака по-прежнему там. Сквозь плотную ткань прощупывались острые клыки. И всё же Паша немного замешкался. Как будто некая неведомая и непреодолимая сила не позволяла ему переступить порог.

Вдруг кто-то оттолкнул его в сторону и влетел в класс. От неожиданности Паша пошатнулся и чуть не упал. Хорошо, сзади оказалась стена.

– Ну, чего встал в проходе! Давай уже, решай, либо туда, либо сюда! – донеслось до Паши.

Из класса послышались смешки и ехидные замечания:

– Видать, новенький.

– Эй, новенький! Ау!

– Мы ждали тебя всю жизнь!

– Покажись нам, загадочный одноклассник!

Заходить и показываться сразу расхотелось. Девчонки улеглись животами на парты и вытянули шеи, чтобы получше рассмотреть Пашу. Только этого ему не хватало. В панике он решил броситься в другой конец коридора и сделать вид, что никакой он им не одноклассник. Так, дверью ошибся.

Но учительница Елена Сергеевна его опознала и тут же вскочила из-за стола:

– А вот и Грушин! Не стесняйся, Грушин, входи.

– Грушин! – хохотнул кто-то, сочтя его фамилию забавной.

– Почему же ты не был на линейке? – тихонько спросила учительница, радушно провожая Пашу до свободного места во втором ряду.

– Болел, – отозвался он.

Конечно, он не болел. Просто не пришёл: всеми силами старался оттянуть встречу с одноклассниками. И, видно, не зря. Они смотрели на него во все глаза и будто ждали, что сейчас он допустит какой-нибудь промах. А соседка по парте повела себя хуже всех: недовольно фыркнула и демонстративно подвинула стул к краю, подальше от Паши.

– Паша Грушин приехал к нам издалека. Его родители – дипломаты! – сообщила Елена Сергеевна так, словно Пашины родители были самыми известными актёрами на планете и снимались в каждом втором голливудском фильме.

– Ох, ох, ох! – передразнил кто-то.

Паша хотел было поправить учительницу, но лишь потупил взгляд. Для Елены Сергеевны «сын дипломатов» – что-то вроде трофея. А то, что Пашина мама преподавала иностранцам русский язык, а папа работал в представительстве по науке и культуре – ненужные подробности. «Ну, раз ей так хочется, пусть будут дипломаты», – решил про себя Паша. Затевать спор с учителем ужасно грубо. Поэтому Паша сел ровно, держа спину прямо, и почтительно наклонил голову.

– Я полностью разделяю ваш восторг, и вы обязательно поболтаете с Грушиным про дальние страны на перемене, но пока что давайте включаться в работу, – кивнула учительница и объявила, что сейчас все по очереди коротко расскажут о себе. По-английски.

Это вызвало вялую волну протеста, но Елена Сергеевна указала на Пашину соседку, Алёну, и велела ей начинать.

Алёна поднялась и тихо представилась. Паша узнал, что ей тринадцать лет и что она ходит в школу. Алёна немного помолчала, не зная, что ещё добавить, но потом призналась, что ей нравится танцевать, читать и слушать музыку.

Паша думал, что над её неумелой речью будут смеяться, но учительница почему-то её похвалила и обратилась к следующему ученику. Никто не позволил себе даже слабой улыбки! А над ним хохотали только так, хотя он ничего такого не сделал, просто вошёл в класс.

Алёна села и самодовольно передёрнула плечами, как бы вызывая Пашу на дуэль: ну что, слабо так же ответить? Паше захотелось в отместку «случайно» чиркнуть ручкой по её джинсам, но он сдержался. И решил, что больше никогда не сядет с Алёной. Пусть наслаждается своим обществом в гордом одиночестве.

Один за другим новые одноклассники повторяли примерно то же, что сказала Алёна, заменяя «танцы» на «футбол», «кино» или «плавание». Сначала Паша обрадовался, что все любят читать и слушать музыку, но потом засомневался: может, они просто ничего другого не могут сказать?

Когда подошла Пашина очередь, он уверенно заговорил о своих увлечениях, о том, что приехал из Вьетнама, где работали его родители, о том, что учится играть на гитаре, обожает научную фантастику, особенно Брэдли, Шекли и Беляева, и что очень рад со всеми познакомиться.

– Чё он сказал? – громко зашептались позади.

Паша оглянулся и с удивлением обнаружил, что, кроме учительницы, никто ничего не понял.

– Его зовут Паша, родители, гитара, что-то, что-то, короче, я сама не поняла, – отозвалась Вероника, которая постоянно наматывала на палец фиолетовую прядь своих волос. Все остальные пряди были обычного тёмно-русого цвета и потому ничуть её не интересовали.

– Ну что ж ты позоришься, Ульянова? – возмутилась Елена Сергеевна. – Давайте сделаем так: Паша, повтори, пожалуйста, ещё раз с самого начала, помедленнее, а мы запишем и переведём. Всё за лето забыли!

На перевод ушло минут двадцать. Паша диктовал снова и снова, чтобы все за ним успели, и всерьёз начал подозревать, что действительно перепутал дверь. Или его по ошибке определили в третий класс вместо седьмого.

8. Сынок дипломатов

На литературе Паша с ужасом осознал, что ему предстоит познакомиться со второй половиной класса. На английском и немецком седьмой «Б» делился на две группы. А на всех остальных занятиях соединялся в огромную толпу, и получалось что-то вроде двойного удара. Или команды Людей Икс. Каждый обладал сверхъестественными способностями: кричать до звона стёкол, молниеносно распускать нелепые сплетни, одарять неугодных замораживающим взглядом и без помощи кулаков бить по самым больным местам.

Паша не привык к тому, что в одном классе бывает столько народа – почти тридцать человек! В школе при посольстве было так мало учеников, что у Паши никогда не набиралось больше пяти одноклассников.

Здесь же он словно очутился на поле боя, где все воевали против всех. Сразу и не поймёшь, какова расстановка сил и с какой целью ведутся сражения.

Так и хотелось нацепить что-нибудь на голову в качестве шлема и ползком продвигаться к парте. Точно стрелы, поверху проносились какие-то предметы – ручки, резинки, тетради, скомканные листочки. Один раз даже просвистел телефон, метко пущенный в лоб Даниле Попову. Такого хохота Паше не доводилось слышать никогда, даже в цирке.

На удивление, «мишень» Данила Попов гоготал громче всех, любезно возвращая телефон владельцу, долговязому и, судя по выражению лица, недалёкому Коле Ромашкину.

Алёна переступила через какого-то споткнувшегося паренька и деловито заняла своё место, но подсаживаться к ней никто не торопился. Паша благоразумно сел за первую парту и почти сразу горько об этом пожалел. Подросла какая-то неуравновешенная девица с тремя серёжками в каждом ухе и грохнула тяжёлую розовую сумку Паше на колени. Из сумки что-то больно ткнуло его в живот, и Паша застонал. Наверное, торчавшие из кармана ручки, но впились они в него, как настоящие иголки.

– Свали, пожалуйста, с моего места, – приказала девчонка. Почудилось, будто её короткие чёрные кудри извиваются и шипят, точно змеи на голове Медузы Горгоны.

Паша в недоумении уставился на эту красавицу-чудовище. Он бы и рад уступить девочке, только вот это существо так грозно на него посмотрело, что очаровательные девичьи черты разом померкли. Всем своим видом она показывала, что готова чуть ли не драться за любимую парту.

– Ты вообще кто? – спросила она.

– Не пугай новенького! – усмехнулся вездесущий Коля Ромашкин. – Он у нас сынок дипломатов.

Паша уже приготовился, что и в него сейчас полетит телефон Ромашкина или что похуже, но, к счастью, обошлось.

Горгона вдруг сменила гнев на милость и даже изящно присела на край парты. Её длинные накрашенные ресницы задёргались, как измазанные чем-то чёрным и липким крылья тропической бабочки. Одноклассники притихли, наблюдая за ней.

– Меня зовут Зара, – улыбнулась она. – Если хочешь, давай сидеть вместе.

– Ну давай, я не против...

Зара чуть наклонилась вперёд, глядя Паше прямо в глаза, как могущественная чародейка. Но когда он понял, что ей ни в коем случае нельзя доверять, было уже поздно. Она подняла тонкую бровь и ухмыльнулась с деланным сожалением:

– Нет, не думаю, что мы друг другу подходим.

Класс взорвался ликующими криками и свистом. Зара артистично поклонилась благодарной публике. Паша вжал голову в плечи – Зара будто высосала из него всю энергию, парализовала своим ядом, и не осталось сил, чтобы отразить удар. Теперь ясно, что она за

штучка. Когда змее хорошо, лягушке плохо. И в этом классе сразу видно, где змеи, а где лягушки.

Коля Ромашкин кивнул Паше:

– Придётся тебе переезжать, дружище. Зара у нас такая.

Коля и Зара обменялись противными улыбочками.

«Ничего, – успокоил себя Паша, – просто надо ко всем относиться, как к малоизученной инопланетной расе: записывать повадки, вести наблюдения, учиться взаимодействовать. Люди и среди горилл выживали. Вот Зара с Ромашкиным заодно. Их лучше остерегаться», – отметил он про себя и, освободившись от неподъёмного груза Зариной сумки, поплёлся на единственное свободное место – к Алёне. Правда, теперь она его нисколько не раздражала. Её совершенно явно ничего не связывало с Ромашкиным и Зарой, и хотя бы за это Паша её заужал. Очевидно, она была самая безобидная из племени инопланетян и сама нуждалась в защите.

9. Палочки

Этого момента Паша особенно боялся. Обед. Столовая. Незнакомая и, вероятно, невкусная еда. А вдруг он станет есть не так, как принято? Инопланетяне разбушуются и, чего доброго, пойдут на него войной. Им не понять, что он почти не держал в руках вилку с ножом и ему куда удобнее есть палочками.

Мама об этом знала и решила подстраховаться – положила в Пашин рюкзак пару самых лучших палочек из тёмного дерева, с одного конца инкрустированных перламутром. Тётушка Лан называла их «праздничными палочками», потому что они использовались только в особых, торжественных случаях и даже хранились в специальном шёлковом мешочке.

– Ничего страшного, если ты принесёшь палочки, – заверила Пашу мама. – Никто тебя за это не накажет. Наоборот, повод завязать новые знакомства! Вдруг кто-то из учеников заинтересуется, ты расскажешь им про азиатскую кухню. Это же так увлекательно!

Мама не могла ошибиться, она выросла и почти всю жизнь прожила в этой стране, она ходила в такую же школу и разбирается, что тут к чему. Поэтому, войдя в столовую, Паша не сомневался, что палочки его выручат. Главное, заставить себя с удовольствием съесть всё, что дадут. Даже если это будет самая жуткая гадость на свете. Нехорошо обижать окружающих, отказываясь от еды. «Плывя по реке, следуй её изгибам, входя в дом, следуй его обычаям», – провожая Пашу, напутствовала тётушка Лан, и он не ставил под сомнение мудрость многих поколений.

Столовая была забита до предела – как космический корабль, отбывающий с планеты, которая вот-вот разорвётся на части. Паша сразу уловил, как тут всё работает. Нужно взять синий поднос и подойти к окошечку, откуда периодически высовывается большая бледная рука в прозрачной перчатке и выдаёт тарелки с едой.

В очереди Паша оказался очень неудачно зажат между Зарой и её лучшей подругой Вероникой (той, что с фиолетовой прядью). Девочки вели откровенные беседы, не обращая на Пашу никакого внимания, и он то и дело краснел от неловкости.

– Я журнал вчера купила, но без тебя не читала. В этом номере есть тест «Какой парень тебе нужен», – сообщила Вероника.

– П-ф, – надменно фыркнула Зара. – Опять про парней! Достали уже. Чё, больше писать не о чем? Как будто я чего-то не знаю! Да сама хоть сейчас двести статей про парней могу накатать.

– Ну ещё есть интервью с Эммой Уотсон, тренды осени и мастер-класс по мейк-апу, – потупилась Вероника, раздосадованная тем, что ей не удалось впечатлить подругу.

– Опять всё без меня прочитала, да? – разозлилась Зара. – Хоть тест про парней, надеюсь, не сделала?

– Нет, – отозвалась Вероника и пристыженно опустила глаза.

– Тогда будем делать тест. Эй, новенький, чё уши развесил? Чё ты вообще между нами затесался?!

– Простите, я случайно, – буркнул Паша и пропустил Веронику вперёд.

Получив тарелку с двумя плавающими в лужице оранжевого бульона голубцами, Паша наконец направился к столу. Он заметил свободное место рядом с Алёной и Славой Уткиным.

Тихоня Слава был единственным человеком в классе, с которым Паше сразу захотелось подружиться. В отличие от остальных, Слава на уроках не высовывался, но если уж его спрашивали, то отвечал связно, чётко и по делу. По всему видно, что усердно готовился.

– Можно к вам? – обратился Паша к Алёне и Славе.

Алёна никак не отреагировала, просто по привычке отодвинулась подальше. А Слава улыбнулся и похлопал ладонью по стулу:

– Садись. Мы только за.

Паша выдохнул с облегчением и даже повеселел. Но голубцы опять испортили настроение. По форме они напоминали любимые немы, только вместо лапши, огурца и креветок – какая-то рисово-мясная начинка, завернутая в прозрачную оболочку. Паша достал палочки, пару раз звонко стукнул их друг о друга, как будто затачивал ножи, и потыкал голубец, проверяя, съедобна ли обёртка или это просто целлофановый пакетик.

Алёна и Слава смотрели на него с нескрываемой тревогой. Да и ученики за соседними столами выпучились во все глаза. Ромашкин в предвкушении зрелища подпрыгивал на стуле, а его верный подпевала Попов даже оторвался от второй порции.

Паша огляделся и смущённо пожал плечами. А потом развернул голубец, поднёс тарелку близко ко рту и, ловко захватывая начинку палочками, принялся есть.

– Почему ты ешь палочками? – не выдержал Слава.

Всё, как предсказывала мама! Паша обрадовался и, даже не прожевав, поспешил ответить:

– У нас во Вьетнаме все так едят.

Слава нахмурился и повернул голову набок, как сова. Он явно чего-то не понимал. Алёна втянула щёки и закатила глаза. Это был её способ сказать: да ты точно псих. Паша уже заметил, что она редко разговаривает, и учился различать её сигналы без слов.

– А как это называется? – спросил Паша, чтобы не дать беседе угаснуть.

– Э-э-э... голубцы, – не сразу нашёлся Слава.

Кто-то хихикнул, за спиной прокатился шепоток.

– Голубцы? – изумился Паша. – Это потому, что из голубей?

Паша заметил, что в Москве очень много голубей. Они сидят на проводах, на крышах, на балконах и гуляют стайками во дворах. Но чтобы из них что-то готовили? Не проще ли разводить кур? В них и мяса побольше. Окружающие уже откровенно смеялись, и Паша никак не мог сообразить почему.

– Нет, это фарш. Говяжий, наверное, – терпеливо объяснил Слава.

– А почему тогда «голубцы»?

– Не знаю. Просто название такое.

– Понятно. Вообще вкусно, – похвалил Паша, хотя оранжевый бульон показался ему довольно пресным. Не хватало остроты и специй. Да и рис был какой-то разваренный.

– Ты правда никогда не ел голубцы? – всё ещё не верил Слава.

– Он больше к собачатине привычный, да, Грушкин? – съязвил Ромашкин, и Данила Попов тут же зашёлся в диком хохоте.

– Фу, ужас, – тряхнула чёрными кудряшками Зара.

Паша велел себе держаться непринуждённо:

– Вообще-то, я Грушин, а не Грушкин. И, отвечая на твоё предположение, я собачатину никогда не пробовал.

– Да ладно, не заливай! – не отставал Ромашкин. – В Китае все собак едят – факт!

– Не в Китае, а в Корее, и Вьетнам – не Китай, это отдельная страна, – поправил Паша спокойно. Но почувствовал, что где-то глубоко внутри закипает обида.

Ромашкин пропустил замечание мимо ушей и принялся развивать собачью тему.

– Чё-то боязно мне за своего Рекса. Слышь, Грушкин, ты в каком доме живёшь? Буду стороной обходить. А то оглянуться не успеешь, а твой верный пёс уже у Грушкина в лагмане плавает!

И тут все будто взорвались:

– Грушкин, а кто вкуснее – овчарка или чихуахуа?

– Да с кетчупом без разницы! Ха-ха-ха!

– Приходи ко мне! У нас тараканы на кухне завелись, сваришь себе из них супец!

– Да ладно, пускай ест. Хоть бродячих собак меньше станет, тоже плюс.

Каждый считал своим долгом высказаться, разве что Слава с Алёной молчали и притворялись невидимками.

Паша изо всех сил старался не дёргаться. Он никогда ни с кем не дрался и начинать не собирался, несмотря на то, что Ромашкину не помешала бы серьёзная вправка мозгов.

«Они просто ничего не знают, всё, что за пределами района, их не касается. Лягушке на дне колодца небо тоже кажется маленькой лужицей» – говорил себе Паша, и становилось легче. Он уткнулся в тарелку и попытался подумать о чём-нибудь хорошем, чтобы визгливый голос Ромашкина умолк. Хотя бы понарошку.

– В моей деревне кроны баньянов достают до небес, – пропела тётушка Лан. Она стояла в высокой траве на берегу мутной Красной реки и махала проплывающим на лодках рыбакам. Её шёлковое платье развевалось на ветру.

– Тяу Че, – строго сказала она. – Помни: бамбук никогда не ломается.

10. Новый друг

По пути из школы Пашу не покидало чувство утраты и горечи. Он уговаривал себя не думать о дурацких издёвках, но обида разрасталась, занимая все его мысли. Смеющиеся лица до сих пор мелькали перед глазами, а небрежно брошенные оскорбления гулким эхом раздавались вновь и вновь. Только теперь ранили ещё сильнее. Человеческий яд намного страшнее змеиного.

Оказавшись в маленькой квартире, которая теперь служила ему домом, Паша упал на диван и попытался заснуть. У него не было сил ни на что – ни на домашнее задание, ни на фантастические романы, ни на гитару.

Вечером, когда вернулись родители, начался неизбежный разговор:

– Ну как в школе?

– Я туда больше не пойду, – твёрдо сказал Паша и выдал несколько весомых аргументов, которые, как ему казалось, должны убедить родителей. Все они сводились к тому, что одноклассники – тупые дикари, которые ходят в школу, только чтобы над кем-нибудь поиздеваться.

Но Пашина пламенная речь не нашла отклика в родительских сердцах. Папа, внимательно выслушав историю про столовую, посоветовал Паше впредь «не провоцировать детей на конфликт».

– Интересно, как же это я их спровоцировал? – оторопел Паша. Неужели и папа, его собственный отец, на стороне врага?!

– А зачем ты сказал про голубей? Напустился на их голубцы, вот они и ответили тебе собачатиной. Всё логично.

– Я же просто спросил! – повысил голос Паша и тут же осёкся. Нехорошо грубить отцу. – Я правда не знал, из чего эти голубцы.

– Ну как ты мог не знать? – развела руками мама и огорчённо покачала головой. – Все это знают.

– Да я ничего про эту страну не знаю! – вспыхнул Паша. – Ни про еду, ни про людей. Зря ты вообще мне палочки с собой дала. С них-то всё и началось! Меня никто не предупреждал, что тут можно взять и нахамить незнакомому человеку! Всё, я туда не вернусь. Мне хватило.

Мама вздохнула. Папа насупился и пробормотал в усы:

– Подумаешь, собачатина. Где-то вон крокодилов едят, где-то – насекомых. Мы вот говядину едим, а индуисты – нет. Что ж тут такого? Все культуры разные.

– Ну пошутили они, Паш, ты-то от этого хуже не стал! Забудь и живи спокойно. Учиться же надо. А в другую школу придётся далеко на метро ездить. Тебе очень хочется ездить на метро?

Паша уже понял, что другая школа ему не светит. А даже если светит – вряд ли там будет иначе. И всё же тихо сказал:

– Я туда не пойду.

– Вот же не было печали! Специально для тебя пословицу придумали: «Когда я ем, я глух и нем», – бросил папа и вышел из комнаты.

Паша поймал на себе мамин умоляющий взгляд.

– Ладно, завтра пойду, – буркнул он. – Но если они опять...

– Не настраивайся так заранее! – вставила мама. – Всё будет в порядке. У многих подростков нет чувства меры, но скоро они к тебе привыкнут, ты с кем-нибудь подружишься и всё образуется. Можешь не сомневаться.

В тот вечер Паша отказался от еды. Аппетит пропал. Паше вспомнились голубцы, залитые оранжевой жижей, и подступила тошнота. Не от голубцов, а от Ромашкина и остальных. И всё же голубцы ему навсегда разонравились. Слишком дорого они ему обошлись.

Он с тоской думал о том, что и завтра, и послезавтра, и ещё много лет ему придётся терпеть Ромашкина. А сколько ещё подвернётся поводов для издёвок? В одной только столовой Пашу ожидает множество открытий: гуляш, плов, бефстроганов и бог знает что ещё.

Чтобы хоть немного отвлечься, Паша сел за новый ноутбук. Хотел написать Анне, пожаловаться на школу. Она точно найдёт какие-нибудь слова утешения. Но вдруг увидел сообщение от Славы:

«Привет. Помнишь меня? Слушай, ты же из-за Ромашкина не переведёшься в другую школу?»

Паша долго вглядывался в эту фразу, а потом напечатал: «Из-за Ромашкина – никогда!» Пока Слава набирал новое сообщение, Паша впервые за весь день улыбнулся: кажется, у него только что появился друг.

11. В джунглях

Пять дней в неделю Паша послушно ходил в школу, а по вечерам говорил родителям, что всё нормально и показывал дневник с четвёрками и пятёрками. Мама верила, что в семье воцарилась долгожданная идиллия. Папа давал понять, что иначе и быть не может: сын должен учиться, и, конечно же, на пятёрки. На все остальные оценки папа хмурился и недовольно шевелил усами.

На самом деле всё было по-другому. Разве что пятёрки настоящие, а всё прочее нормальным никак не назовёшь, и Паша предпочитал о школе не распространяться.

Каждое утро, начищая зубы положенные три минуты, Паша мысленно давал себе установку: «Я заблудился в джунглях. Задача – не попасться диким зверям». Или: «Я – герой фильма „Восстание планеты обезьян“. Разумные приматы захватили мир, и мне нужно пережить этот день, пока учёные не найдут способ вернуть всё назад».

Это помогало. Паша будто загружал себя в иную реальность. В игру. Ему даже удалось убедить себя, что всё это временно и когда-нибудь он перейдёт на новый уровень, а то и победит в игре. Он верил, что рано или поздно всё это закончится.

Да, Паша был обычным игроком: законы школьной жизни придумали невидимые работчики, и он вынужден им подчиняться. Хорошо, для него нашёлся напарник – Слава, который и растолковал все эти неписанные правила и подробно объяснил, кто за кого играет. Так вот, Паша был сам по себе. Ни в одну команду его не взяли. Впрочем, он бы и сам не захотел.

Класс делился на слабых и сильных. Слабые могли прислуживать сильным или податься в изгой. Одно утешало: система чёткая и понятная. Паша без колебаний выбрал изгоев. Они хотя бы независимые, и им не нужно притворно хохотать над шуточками Ромашкина, восхищаться нелепыми нарядами Зары или готовить по два доклада – за себя и за «товарища».

Со временем Паша выработал идеальный защитный механизм. Получше мантии-невидимки. Его щитом стали книги. Почему-то, когда он читал какой-нибудь роман, никто его не трогал и не замечал. Эта схема была даже лучше Алёниного молчания. Так что Алёна, насмотревшись на Пашу, всё чаще коротала «окна» и перемены за учебниками, а потом переключалась и на художественную литературу. И порой сама заговаривала с Пашей о понравившихся книгах.

Больше всего Пашу раздражало, что ничего в школе не поддавалось контролю. Оценки по всем предметам в основном зависели от поведения ученика и точного цитирования учебника.

Паше пришлось избавиться от такой вещи, как собственное мнение. Произошло это однажды на литературе, когда учительница сказала с иронией:

– Ваше мнение, Грушин, я нахожу довольно интересным, но всё-таки сперва хотелось бы услышать из ваших уст мнение Виссариона Григорьевича нашего, Белинского.

Паше казалось, что в тот момент дух покойного критика выныривает из потустороннего мира и, строго скрестив руки, парит под потолком возле портрета Пушкина. Приходилось отвечать, а не то с призраками шутки плохи.

Столовая была отдельной пыткой. Есть и читать одновременно было неудобно, поэтому Паша становился лёгкой добычей для Ромашкина и его свиты. Как и большинство злодеев, Ромашкин становился особенно беспощадным на голодный желудок. Он успешно метал ядовитые стрелы, а Пашу назначил своей излюбленной мишенью.

– Зачем тебе школа, а Грушкин? На вьетнамский рынок и без аттестата берут!

– Ты узнавал? – принимал вызов Паша.

– Конечно! Я о твоей карьере ещё как пекусь!

В джунглях надо жить по законам джунглей. Даже если эти джунгли по неведомой причине разрослись в общеобразовательной школе.

Несколько дней щитом Паше служила научно-фантастическая книжка Курта Воннегута «Галапагосы» – про горстку последних людей на Земле. Они застряли на одном из Галапагосских островов, и через миллион лет их потомки забыли, что они люди, и превратились в зверей. Обзавелись клыкастой пастью и плавниками, чтобы ловить рыбу и выживать в новой среде. У них не осталось выбора. Когда кругом звери, волей-неволей станешь одним из них. А иначе – естественный отбор!

Возможно, Воннегут хотел сказать что-то другое, Паша не был уверен, что правильно уловил его мысль, – к сожалению, Белинский умер задолго до рождения Воннегута и не имел возможности прокомментировать эту книгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.